

Петров в детстве был очень доверчив. Он верил всему, что ему говорили мама, бабушка, дедушка, а кроме того, все знакомые и незнакомые люди.

А еще он верил тому, что было написано в книжке или на обрывке газеты, или сказано по радио. И уж, конечно, всему, что он увидел по необыкновенному устройству, которое называлось телевизором. Телевизор купили совсем недавно. Этот самый телевизор был настоящим чудом. Несколько раз в неделю дедушка разрешал посмотреть по нему детский фильм или детскую передачу. Однажды показывали телевизионный спектакль. В нем дети вместе с очкастым профессором лазали по горам и искали маленький прибор, который даровал человеку бессмертие. Этот прибор профессор изобрел сам и по рассеянности потерял при восхождении на высокую снежную гору. Петров с замиранием сердца смотрел спектакль. Дух у него захватывало от приключений альпинистов. Но больше всего сердце замирало от того, что он теперь знал — есть такой прибор, который делает человека бессмертным. Искатели никак не могли его найти, но Петрова это не тревожило. «Ничего, — думал он, — когда я вырасту, профессор его или найдет или сделает новый. И я никогда не умру». Так думал Петров и так он верил.

Прошло много лет, а Петров так и оставался доверчивым малым.

После школы он поступил в институт. Стипендия была маленькая, а жить как-то надо было. И в летние месяцы он ездил с ребятами на шабашку (так раньше называлась сезонная работа). Август месяц подходил к концу, надо было возвращаться в общежитие. А работа еще не была закончена. Строили свинарник. Очень торопились. Спешили. И работали по четырнадцать часов в день. От рассвета до заката. А тут еще, как назло, зарядили не по сезону холодные дожди.

Жили в бытовке. Очень уставали. Сушились. И после работы ели картошку с тушенкой. И обязательно выпивали по сто граммов водки. Чтобы не простудиться и не заболеть. И взбодриться. Ребята все были старше Петрова, крепкие и привычные к деревенскому труду. Рассказывали всякие истории. Один, Виктор, неприятный тип с мутным, как будто невидящим глазом, рассказывал, как воевал на острове Даманском. Он несмешно ухмылялся и говорил, что они ухлопали там прорву китайцев.

Петрову было жалко китайцев. Он задумался. «Совсем забыл, — обратился к Петрову Виктор. — Встретил вчера твою. Сказала, чтоб ты сегодня приходил в восемь часов к парку. Будет тебя ждать». Петров поперхнулся и отложил вилку. «В самом деле? — «А то!..»

Петров даже и знаком с ней не был. Только знал, что зовут ее Таня. И очень она ему приглянулась. Жила она в поселке и иногда приходила к ним и готовила для них обед. За небольшую плату. Она была красива, и глаза у нее были черносмородиновые. Веселые. И Петрову она всегда улыбалась. А он тоже улыбался ей в ответ. И все.

Дорогу к парку развезло донельзя. Как-никак, чернозем. Дождь лил сплошным потоком. Петров, вымокший до нитки, с трудом добрал до пустынного парка. Сильный ветер раскачивал одинокий фонарь при входе в парк. Никого не было. Петров прождал полчаса и ушел.

«Не пришла», — пояснил он в ответ на расспросы приятелей. Двое ребят закрыли рты, сдерживая смех. «А ты и поверил?» — спросил Виктор даже и сочувственно.

Петров посмотрел на ребят и все понял. А дальше пошло, как по накатанной. Петрова обманывали девушки, сантехники, работодатели, телевизионные комментаторы. И даже само государство, которое в девятые годы продало ему акции компании «Гермес» на тысячу долларов. А акции не стоили и бумаги, на которой были напечатаны. И доверчивость Петрова пошла на убыль. Петров постарел. Хотя все еще был крепок. Но иногда грустил. Он то и дело ловил себя на том, что не доверяет людям. И это ему было неприятно. «Черт возьми, — думал он с горечью, — надо же быть человеком! Надо же верить людям. Нельзя не верить». Он грустил и качал головой.

«Сам ли я виноват или время такое?» — задавал он сам себе вопрос. И не находил ответа.

РУКИ

С женщинами у Петрова не складывалось. С одной стороны, он был по молодости влюбчив и видел в каждой новой пассии достоинства и красоты необыкновенные. И смотрел на свою избранницу большими доверчивыми глазами, что девушкам, в общем, льстило. Кроме того, они (девушки) видели серьезность его намерений. И склонялись. И это было хорошо. И Петров с радостью предлагал руку и сердце на веки вечные.

С другой стороны, веки вечные не получались. И это было нехорошо. Поначалу-то все шло замечательно и превосходно, и каждый из молодоженов леделял свои надежды. По прошествии времени тоже было неплохо. Но уже и не так. А почему не так, я вам объясню. Дело в том, что женщины Петрову попадались не совсем для него подходящие. А именно — властные. Хорошие, но властные. Замечательные, но властные. Известное дело, некоторым мужчинам такие женщины очень по нраву, и они с удовольствием им подчиняются.

Но Петров к таким мужчинам не принадлежал. Только поначалу мог он казаться из их числа. Несмотря на внешнюю мягкость и простодушие, которая вводила женщин в заблуждение, он в совместной жизни был какой-то апатично-отрешенный, а не радостно-подчиненный, как хотелось его избраницам.

И они, что естественно, начинали выказывать недовольство. Дескать, что это такое?! Мы стараемся, а он не старается. Мы руководим, а он, с одной стороны, слушается, а с другой — вроде и нет. И это вызывало недоумение. Как так? Почему? А Петров ругаться не ругался, возражать не возражал, но начинал задумываться. И потихоньку, незаметно исчезал. Оставляя вещи, чемоданы, комнаты и надежды. И не давал женщинам возможности вывести его на чистую воду. Так он к сорока годам оставил двух своих замечательных жен. И на институт брака посматривал с осторожностью и опаской. Он начинал понимать свои ошибки в выборе. Не надо слишком энергичных и деятельных, думал он, нет, не надо. Надо других.

И за другими дело не стало. Встретилась и помягче, и добрее, и попроще. И Петров вновь воспрял и воодушевился. Ибо, как же без воодушевления? И Петров загорелся, раскрепостился и стал ухаживать. И удачно. И снова женился. Уже в третий раз. И дело пошло. Дело пошло иначе. И повеселее, и посвободнее. И с каждым днем Петров улыбался все больше. И был рад. Но, как известно, радости наши недолги. Так и у Петрова. Так же постепенно, как появлялась, улыбка стала сходить с его лица. Новая жена его была женщиной превосходной и доброй, но незаметно для себя самой стала прибирать его к рукам. Мягко, по-доброму, но неуклонно. Она посылала его в строительные магазины, давала поручения и составляла для него длинный список первоочередных дел. Ибо — как же без дел? — резонно полагала она.

И Петров загрустил. Ему показалось, что не создан он природой для супружеской правильной, разумной жизни. Однажды Полина, так звали жену, пришла с работы и сразу ушла к себе. Села на диван и сморщилась. Как будто у нее болела шея. Петров увидел гримаску на лице жены. «Болит что-то?» — спросил он участливо. «Немного», — смущенно ответила Полина, не привыкшая в своей стремительной жизни жаловаться. Петров подошел к дивану и стал массировать жене шею. Ему было жалко жену.

Минут через пять Полина взглянула на него каким-то долгим недоуменным взглядом. И даже лоб ее покрылся морщинами. И что-то как будто произошло с этого дня. И жена притихла и задумалась. А после работы виновато просила помять ей шею. И поручений теперь почему-то не давала.

«Какие удивительные у тебя руки!» — как-то произнесла она с чувством.

«И при чем тут руки?» — подумал Петров. Но руки оказались при

чем. Жена стала смотреть на него совершенно другими глазами. Будто какая повязка спала с ее глаз. Она меньше говорила и больше прислушивалась.

А потом стала готовить борщи, котлеты, перец фаршированный, вкладывая в фаршированный перец всю свою нерастраченную душу.

А потом, ночью, сама себе удивляясь, страстно целовала его в губы, вжималась в него, проникала, растворялась. И все было безоглядно, легко, необыкновенно. А когда он клал руки ей на спину, она замирала от неведомого ранее счастья.

СЛУЧАЙ В ПАРКЕ

Стояла известная всем нам позднесенняя пора, когда выпавший снег тут же тает, а под ногами хлюпает серая каша, которая просачивается сквозь сапоги и разъедает их. В такую погоду, как говорится, хозяин собаку из дома не выгонит. Но Петров, будучи мужчиной уже не столь молодым, как ему хотелось, но и не столь старым, как другим ожидалось, по утрам устраивал моцион. Иначе говоря, он гулял по парку. Вы спросите: почему он не занимался спортом, или хотя бы оздоровительным бегом? На что мы ответим твердое — нет! То был редкий случай одинодушия, когда природная лень и убеждения действовали сообща: никакого спорта! Пусть бегают молодежь, твердо провозгласим мы. И то — если хочет. А не хочет, флаг ей в руки, пусть не бегают. Петрову в беге виделся некий радикализм, который для мужчины средних лет совершенно неуместен. Уместными ему представлялись прогулки. Парк, в котором гулял Петров, назывался «Детским парком». Мамаши выгуливали в нем своих малолетних чад. По большей части возили их в колясочках. Но постепенно компанию мамашам стали составлять мужчины, которым уже за... Эти мужчины накручивали вокруг небольшого парка круги. Один за другим. В круге было около километра. Значит, надо было пройти четыре или пять кругов. Пройти в любую погоду, при любых обстоятельствах и при любом самочувствии. В таком порядке Петрову виделась здоровая основательность. Так и сегодня, несмотря на скверное самочувствие, он вышел на прогулку и обнаружил парк совершенно пустым. Никого! Задумавшись на секунду, он вспомнил, что сегодня праздник. Не тот праздник, какой был раньше, а другой — малопонятный день Единства и Согласия. Петров праздников не любил и демонстративно ни с кем не собирался объединяться. И соглашаться не хотел тоже. «Дудки!» — думал он про себя. Вот так он и думал.

Парк был прямоугольной формы, и росли в нем вековые сосны. Воздух от сосен был столь чист, что от него болела голова. Между соснами аккуратно и по плану рассажены декоративные кустарники. Более половины парка занимало ровное свободное пространство, засаженное газном. За парком добросовестно следили: подрезали деревья и кустарники, стригли летом газон, тщательно убирали мусор. Дорожки в парке были выложены плиткой и всегда очищены от снега или грязи. Тропка, по которой вышагивал Петров, представляла собой эллипс. Одна из двух длинных дуг его граничила с кованым забором, за которым находилась неухоженная территория лесопарка. Здесь владельцы собак, как правило, выгуливали своих питомцев. Петров сорвал веточку и жевал хвойную иголку. Ему нравился запах сосны. Вдруг за забором он услышал женский голос.

«Э-эй!» — голос был молодой и тихий. Почти шепот. Петров подошел к забору, увязая в глубоком ноздреватом снегу. Девушка, которая его окликала, стояла от него в пяти шагах и глядела озабоченно и испуганно. На дорожке лесопарка стояла детская коляска, а рядом с женщиной, скрытый сугробом, как будто лежал человек. «Что-то случилось?» — так же тихо спросил Петров, понимая, что женщина боится разбудить спящего в коляске ребенка.

«Идите, идите сюда, — поманила она рукой. «Как же я подойду?» — так же шепотом спросил Петров, взглядом указывая на высокий забор. «Идите вправо. Там дырка».

Петров, с трудом пробиваясь сквозь тяжелый снег и задыхаясь в нехорошем предчувствии, наконец, нашел место, где прутья забора были раздвинуты неведомым силачом и протиснулся туда, царапая куртку. На снегу, раскинув руки, лежал человек. На вид лет шестидесяти. Он не шевелился и, как показалось Петрову, не дышал.

«Он живой?» — спросил Петров по-прежнему тихо. Девушка испуганно вскинула глаза: «Вы думаете, он мертвый?» — «Не знаю, надо посмотреть».

Он наклонился к человеку. Куртка того была расстегнута, расстегнут был и пиджак, под которым виднелась белая несвежая рубашка. Глаза были закрыты. Петров надеялся, что человек, выпив, прилег отдохнуть, но спиртным от него не пахло. Положив руку на шею, он попытался прощупать пульс. Ничего не вышло. Он встал на колени и, приложив ухо к груди, почувствовал едва заметное рваное дыхание. Распрявившись, он вытер потный лоб и, обращаясь к девушке, сказал: «Он живой. Только без сознания. Я сейчас позвоню в «скорую» и встречу их. Без нашей помощи они его не найдут. Вы можете здесь подождать?» — «Нет, — испуганно прошептала девушка, — я боюсь. И ребенок может проснуться. Я не останусь». — «Ладно, — сказал Петров, — идите домой. Я сам справлюсь». — «Правда? Вы меня отпускаете? А как же вы?» — «Идите. Я справлюсь. И не беспокойтесь. Вы — молодец, что меня позвали. Идите». — «Спасибо», — девушка жалко улыбнулась и медленно покатила коляску прочь.

«Скорая» приехала через сорок минут. Петрову пришлось за это время отыскать охранника, чтобы тот открыл ворота парка. Охранник ничего не понимал и ничего не хотел открывать. Похоже, он был с похмелья и никак не мог проснуться. Петров, убеждая, кричал на него и возмущался, а тот качал головой. Только когда Петров объяснил, что, не пропуская «скорую» в парк, он совершает должностной проступок и вместе с тем уголовное преступление, за которое его обязательно посадят в тюрьму, тот зашевелился. Он открыл ворота и демонстративно отошел от Петрова, не желая разговаривать. Дальше события развивались в ускоренном темпе. И думать, и обижаться стало недосуг. Подъехала «скорая». Петров быстро забрался в кабину показывать дорогу. Собственно, не дорогу, поскольку дороги никакой для машин не предусматривалось, а направление. Водитель рванул вперед прямо по газону, но, не доехав до места, забуксовал и, пытаясь выбраться из снежной каши вперемешку с жирной маслянистой землей, сел уже основательно. Врач «скорой» выскочил на снег с чемоданчиком в руке. «Веди», — сказал он, и Петров повел его к той же самой дыре, через которую и сам проник в лесопарк. Врач оказался расторопным и, быстро ощутив пульс, приподняв у человека веки, достал из чемоданчика резиновый жгут, перетянул руку и что-то вколол в вену.

«Идите к водителю. Пусть возьмет носилки. И прихватите охранника. Будем его вытаскивать отсюда».

Мотор надрывно гудел, из-под колес летели ошметки грязи вперемежку с дерном. Алексей, так звали охранника, орал что-то невразумительное и бешено водил красными от натуги глазами. Петров с охранником вытаскивали «скорую» уже четверть часа и были заляпаны грязью с ног до головы, но не сдавались. «А-а-а!» — кричал Алексей (который, когда проснулся, оказался свойским парнем). — «А-а-а!» В конце концов, упорство свое взяло. Машина нехотя подалась из колеи и вышла на ровный грунт.

Водитель газанул что было мочи и, отъехав с десятков метров, встал. Задняя дверца открылась. Водитель вышел из кабины и спросил у доктора: «Ну, что там?» — «Кажись, вытащили», — доктор закурил сигаретку и, посмотрев на Петрова и охранника сверху вниз, поощрительно хмыкнул: «Ну, и видок!» — «Как он?» — «Жить будет. Еще бы пара часов — и кранты». На дорожке парка, метрах в двадцати от «скорой», стояла девушка с коляской и, поймав взгляд Петрова, замахала рукой: «Как там?» — «Жить будет, красавица!» — закричал ей Петров.

Петров сидел на лавочке ледового стадиона, расположенного напротив Детского парка. Пацаны на огромном поле с искусственным льдом играли в хоккей с мячом. Они играли классно. В пас. И форма на них была красочная. Ярко-желтая. Выглянуло солнышко. Головная боль прошла. Пригревало. И так славно, так легко стало на душе, что Петров стал улыбаться. Сначала сдержанно, потом все шире: «Да-вай!» — закричал он игрокам во всю мочь.

НИКИТА

У Петрова два внука: Тимофей и Никита. С одним из них, Никитой, он сегодня играл. Был вечер. Взрослые разъехались по тусовкам и шопингам и вскорости не ожидалось. Играть Петрову не хотелось, а хотелось подремать в тишине. Но внук тербил. И покою никакого не давал. А дал подъемный кран и велел крутить ручку, чтобы груз поднимать. Дед крутил. Груз поднимался. Потом маленькие машинки в огромном количестве ездили на полу по кругу неизвестно зачем. Полицейская машина мигала красным огоньком и предупреждала. Двух водителей пришлось оштрафовать за неправильный поворот. Один джип попал в аварию и сиротливо стоял на обочине. «Скорая помощь» издавала тревожные звуки, и ее пришлось пропустить. «Уже стемнело, — сказал Петров, утомившись; он не любил машин, — пора транспорт в гараж заводить». Вся процессия под управлением Никиты направилась в гараж. Петров взялся за своего любимого Вудхауза. Но почитать не удалось. Никита стал чесать ему пятки и приставать.

«Дед, ты что читаешь?» — «Книжку». — «Какую книжку?» — «Хорошую». — «А почитай мне». — «Ты, Никита, не поймешь. Книжка для взрослых». — «Дед?» — «А?» — «А ты мне детскую почитай». — «Никита, ты бы оставил деда в покое. Что ты все дед, да дед». — «Мне одному скучно».

Петров, вздохнув, взял с полки детскую книжку про зверей.

В книге были красочно нарисованы львы, тигры, медведи. И звери поменьше.

Дед стал читать, но книжка была написана плохо. Тогда по картинкам он стал сам рассказывать о животных, приплетая сюда и лично зна-

комых ему собак и котов. Никита заинтересовался. Почувствовав интерес, Петров обрел вдохновение. Он продемонстрировал, как рычит тигр, как хрюкает кабан, который водился около дачи. Загавкали собаки, замыкали коты, заржали лошади, зашипел гусь. Потом погасили свет, и Петров на стене с помощью подсветки стал показывать пальцами собак, гусей и ужей. Собаки, гуси и ужи были как живые. Никита прилег на диван и прижался к деду. Ему было тепло и хорошо.

«Дед?»

«А?»

«Чего тебе хочется?»

«Что мне хочется, Никитка? Я и сам не знаю. Жизнь у меня хорошая, благополучная. Все у меня есть».

«И тебе ничего не хочется?» — допрашивал внук. Петров задумался.

«Вспомнил! Есть у меня одно желание».

«Какое, дед?»

«Хочется мне, Никита, попутешествовать. Посмотреть на другие страны, на других людей. И еще хочется пожить у моря. Посмотреть на него. Очень хочется».

«Дед! Так мы с мамой и папой летом на море поедем. И тебя возьмем, — Никита обрадовался и привстал на локти. — Места у нас много. Ура! Все вместе на море и поедем!»

У Петрова в глазах защипало. Он приобнял Никитку, погладил по голове и сказал:

«Знаешь, кто ты есть, Никита?»

«Кто?»

«Ты, Никита, настоящий человек!»

«И ты, дед, настоящий человек!»

СЕЛО СОЛОВОЕ

Соловое — не вымирающее село. Да, сморщилось, поджалось, но не опустело вовсе. Жизнь в нем все-таки идет. Не та жизнь, которая была ключом пятьдесят лет назад, когда и население было впятеро против нынешних полутысячи. И школа работала, и детвора шумела по селу, устраивая игры и забавы. И конезавод был, и ток, и механическая мастерская.

Сейчас — ничего нет. Жизнь другая идет. Слабая, едва заметная.

Мало стало мужиков. В девяностые часть уехала в город, часть спилась, а остальные растерялись. И можно было тогда подумать — вымирает Соловое.

Но прошло десяток лет. Пьяницы, которые зажигали так, что и жить нельзя, не выстояли и отошли в мир иной. А те, которые порассудительней, вовсе утихомирились и погоды в селе не делали. Появились еще и спокойные, непьющие мужики. Немного. Но появились. Силы в них не было, но доброта была. Один из таких, повстречав меня на прогулке, уговаривал взять с собой четыре тыквы. «Как же я их унесу», — разводил я руками. «Тележку привези, — отвечал мужик. — А еще лучше, пусть Денис приедет. Возьмет».

А вперед вышли женщины, бабы. Более выносливые и работающие.

Худшее они пережили. И в нулевые годы стали потихоньку подыматься. Заводить живность и вести свое хозяйство. А в десятые годы жизнь уже была сносной.

Даже и недостаток небольшой появился. Возвратились из города в свои заброшенные дома еще не старые словчанки. Кто на лето, а кто и навсегда. Строили новые домики или устраивались в старых.

Почти не было детей (с десятков ребятишек маленькой автобус возил на занятия в районный центр Чаплыгин), но вдруг возник маленький ручеек детей бывших.

Женщины и мужики в самом соку стали нет-нет, да и заезжать. В детские годы проводили они здесь летние месяцы, теперь повзрослели, но воспоминания засели в них как клещ и позвали назад на родину предков.

В городе они кой-чего достигли и деньги у них завелись. Стали они строить в селе современные дома. Жили в своих отстроенных хоромах мало, приезжали ненадолго. Но всегда возвращались и почитали хорошим тоном местным показаться не без шуму.

Село было просторное. Большая редкость в наших местах. И хотя часть домов оставались заброшенными, но само село осталось. И стало понятно: начальный замысел был удивительно хорош.

Одна широкая прямая улица, большие огороды, живописные виды, соразмерные дома с невысокими потолками и пологими крышами, окна с резными наличниками. Невысокие, с деревянным штакетником заборчики, а огороды и вовсе без заборов. Не было уродливых башен, белокирпичных домов, высокой сплошной ограды из металлического профиля.

А были соразмерность и простор. И чем дальше ты жил в селе, тем лучше понимал его неприметные достоинства. И тем охотнее совершал прогулки, которые особенно хороши были ранней осенью.

Подходя ближе к концу улицы, всегда останавливался я у бесхозной, растущей рядом с дорогой, яблони. Яблоки в яблочный год ровным красно-желтым ковром устилали траву. И я поднимал с земли несколько яблок поспелее и грыз их прямо на ходу. За яблоней дорога раздваивалась. Прямо шла соловская, а налево — дорога на Солнцево (ближнее село).

По этой дороге я и шел, чтобы удлинить маршрут. Шагалось легко, дорога вела под горку к заросшему густым кустарником ручью. Здесь я набирал совсем уже спелый шиповник. Не столько для еды, а просто так. Перейдя через мосток (вода в ручье к осени пересыхала), я поднимался в гору и встречал стайку молодых козочек, которые едва-едва стояли на тонких ножках. Они паслись около дороги, а по ней за день проезжало разве что десяток машин да чаплыгинская маршрутка. Козы шли сами по себе, хозяйки не было видно ни в одну, ни в другую сторону.

Через неделю только повстречался я с ней — крепкая восточная женщина в длинном цветастом платье вела за руку мальчонку лет пяти. Почему-то напомнил он мне детскую мою фотку. А я шел дальше и дальше. Уже не считая километров, а только засматриваясь на окружающий пейзаж.

Наконец, я достиг самой высокой точки большого пологого холма и остановился отдышаться. Дул свежий ветер и одновременно пекло солнце. И во все четыре стороны открывался вид необыкновенный. Я стоял как раз между Соловым и Солнцево, между соловской церковью и солнцевской. Степь не была ровной как стол. Плавные холмы переходили друг в друга, как волны. Посадки, рощицы, лесок — все колыхалось в небесной синеве и уходило вдаль.

Долго-долго смотрел я и никак не мог насмотреться. Почти не было примет времени. Даже столбов электропередач. Точно такую картину взгляд мог видеть и сто, и сто пятьдесят лет назад. И точно так же она

радовала человеческий глаз. Только тогда не машина редкая по дороге проезжала, а карета, бричка, телега.

Мне вдруг пришло в голову, что хорошо бы устроить в этих местах не автомобильную дорогу, а обычную грунтовку. И ездить по ней исключительно на гужевом транспорте. А в селах построили бы постоянные дворы, как в девятнадцатом веке. И путешественники, никуда не спеша, одолевали бы путь от Москвы до Воронежа не в восемь часов, а в две недели. И эта медленная дорога со многими остановками запомнилась бы путникам на всю оставшуюся жизнь. И они бы вволю насмотрелись на репейник, крапиву, лебеду, цикорий, одуванчик. Их бы укачивало в карете, и они грезили бы наяву в пахучем ядреном воздухе. А ночью на постоялом дворе крепко и сладко спали.

СКОЛЬКО У ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНО БЫТЬ ДРУЗЕЙ

Вы знаете такого американского писателя Торнтона Уайлдера? Нет? Ну и не беда. Так вот, этот самый Торнтон Уайлдер, хоть и американец, очень неглупую мысль высказал. Попробую вам растолковать своими словами. У вас есть друзья? А то! — ответите вы мне. И я, конечно, знаю, что друзья у вас есть и спрашиваю вроде как для вида. По-научному это называется риторический вопрос. На такие вопросы ответа не требуется. Так вот, продолжаю. Сколько у вас друзей? — спрашиваю я уже не риторически. А вы говорите: пять. Или там, десять. Немало, как я понимаю, друзей. А вот сколько друзей должно быть у человека? Вы знаете? Нет? Тот-то. А Торнтон Уайлдер знает. На то он и замечательный писатель. Друзей должно быть ровно девять. Трое друзей младше вас, трое — ваши ровесники и трое — старше вас. Когда первый раз прочитал его мысль, я, честно говоря, не понял, о чем это он. Но крепко подумав, нашел, что в словах писателя есть резон.

«Петрович, принимай», — услышал я Надин голос. Это у нее такие шутки — меня Петровичем называть. Какой я, спрашивается, ей Петрович? Петровичами стариков зовут. А я еще крепкий мужчина цветущего среднего возраста. К тому же, как-никак, мы с ней муж и жена. «Сань, оглох ты, что ли?» — это она мне говорит. Надо же такое! Откладываю мудрую книжку. Встаю со своего любимого красного стула, на котором безмятежно посиживал посреди безупречно постриженного изумрудного газона и иду к дому. Окошко отворено, и моя любимая жена протягивает мне отменно заваренный чай в красивом бокале и тарелку оладьев «с припеком».

Ах, как хорошо! Как хорошо жить на свете, думаю я, посматривая на горячие оладьи. Что ни говори, пить чай в ясный день надо на красном стуле, сидючи за красным столом. И посматривая, как лениво перебирает ветер листочки деревьев и как плывут неведомо куда высокие перистые облака. А уж как вкусен и ароматен чай, и слов никаких не найти! И потому он так вкусен, что водой заваривается не водопроводной, а родниковой.

Впрочем, довольно лирики. Вернемся к мудрым мыслям. Возвратимся к товарищу Уайлдеру и к тому, сколько человеку надобно друзей. Сначала мне показалось, что девять — слишком много. И слишком хлопотно. Куда их столько! Но, прикинув, что не сразу же они (друзья) все вместе завалятся, я подумал — пусть девять. Но не в цифре девять заключе-

на мудрость. Нет, не в ней. А мудрость в том состоит, что друзья должны быть разного возраста. Это я очень хорошо понимаю. Представьте себе: вы, цветущий мужчина средних лет и вокруг вас все такие же цветущие мужчины. Вроде и неплохо. Но... Вы знаете, о чем говорят мужчины среднего возраста? Ну? Подумайте! Теперь вы меня поняли? Говорят они исключительно о машинах, деньгах и чуть-чуть о женщинах. Вы готовы говорить о машинах, если они вас не интересуют? О деньгах, если о них уже все слышали? О женщинах, когда о них говорят без энтузиазма?! Вот и я не готов. По мне, так интереснее с мелюзгой беседовать. Всегда что-нибудь новенькое услышишь.

Вот, к примеру, прибегает недавно ко мне Тимофей (это мой внук, хоть я и цветущий мужчина средних лет, но у меня уже двое внуков) со стеклянной банкой в руках и говорит: «На, дед, держи. А я побегу к друзьям» — и протягивает банку с головастиками.

«И что мне с ней делать?» — спрашиваю.

«Стереги, дед».

«Что стеречь?»

«Из головастиков вылупятся лягушки. А ты смотри, чтобы не упрыгали».

«Ладно, — говорю я, — беги».

Он и улетел, оставив меня размышлять по поводу лягушек, головастиков и «вылупления». Вообще, Тимоня, парень хороший (недавно ему пять лет стукнуло). Всегда готов подставить плечо. Бывало, прихожу с работы усталый, а он и говорит: «Ты дедушка, ложись отдыхать. Мы тебе мешать не будем». А я лежу в тишине и думаю: «Какая благодать!» К слову сказать, и я не раз спасал его от бабушкиного справедливого гнева. Так что у нас с ним — взаимовыручка. И не из каких-то корыстных соображений. Нет. А по душе. И на основе взаимного уважения. Конечно, повсякому можно судить, рядить. Можно сказать, что он — мой внук, или, того несправедливей, любимчик. И поэтому я с ним вожусь. Но, по всему выходит, что он — самый настоящий друг. И смело могу сказать, что и я вхожу в почетный список его друзей. Прежде чем пойти дальше, скажу о Тимоне еще пару слов. У Тимони есть подружка, которую зовут Полинка. Поутру он спит долго, а проснувшись, выбегает на улицу понюхать обстановку. И быстро прибегает назад. Я этим его пробежкам внимание не придавал, но однажды, когда мы возвращались из магазина и проходили мимо дома, где живет Полинка, я предположил, что та сидит в доме и пьет с бабушкой молоко и что неплохо бы и ему по приходе перекусить.

«Нет, дед».

«Чего нет?» — не понял я.

«Нет ее дома».

«Почему ты решил?»

«Видишь, калитка закрыта».

«Ну и что?»

«Когда Полинка дома, у них всегда калитка открыта».

«Да?!» — только и осталось мне сказать. И я, конечно, догадался, что поутру бегал он смотреть, в каком состоянии Полинкина калитка. Когда была открыта, он, не задумываясь, туда прошмыгивал и исчезал из поля зрения надолго.

Их участок, кстати, вдоль улицы через один от нашего. И в хрустальном дачном воздухе все слышно. Хоть шепотом говори. Два раза в неделю приезжает ее дедушка. Дедушка Юра, как она его зовет. Мужчина

моих лет: толстый, пузатый. Ходит почти всегда без майки. Он очень мастеровитый и застроил весь участок домами, домиками, сараями и навесами. Делает он это не по жадности, а по любви. Точнее, по склонности. Рубит, пилит, стучит, не торопясь и со вкусом. И песенки старые напевает. Вроде тех, которые пели в шестидесятые годы. А Полинка вокруг него бегаёт. Заливается, как колокольчик. А он с жаром поёт: «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой. Глобус крутится-вертится, словно шар голубой. И мелькают города и страны, параллели и меридианы...» Знаете эту песенку? Не слышали? А и то, откуда бы вам ее услышать, если пели ее в студенческих компаниях лет пятьдесят назад. Одно скажу — песенка бодрая и требует хорошего голоса. И дедушка Юра тут не пасует. А выдает, как надо, и слышно, полагаю, половине садового товарищества. И что же? Кто осмелится в него камень кинуть, когда такой славный солнечный летний день и душа поёт. И почему бы ей не петь?! Душе-то. Дед поёт серьезно и истово, а Полинка прямо-таки заходится от восторга. И что мы тут скажем, раз уж мы говорим о друзьях? Дедушка Юра, конечно, ей — дед. Но и друг. По всем признакам.

Сажу я за красным столом. Чай давно допил и оладьи съел. И скуваю. «Надя!» — кричу. Нет ответа. Опять куда-то запропастилась.

Любе, наверняка, оладьи понесла. Угощать. Надю хлебом не корми, а дай соседей поугощать. Благо оладьи лучше нее никто не готовит. Галина Алексеевна — соседка напротив — допытывается: «Как это ты, Надя, такие оладьи необыкновенные делаешь? Мой Толик про них все уши прожужжал». — «Тебе, — говорит он, — до Нади далеко-далеко». И улыбается, как кот. А Надя на слова соседки не отвечает. Молчит. Секрет не рассказывает. Не от скрытности. Нет. Один раз обожглась и теперь помалкивает. Секрет немудреный, но когда расскажешь, народ обижается. Не верит. А вам я расскажу честно. Как на духу. Все раскрою. Вот слушайте. Надо сходить в поселковый магазин и (слушайте! слушайте все!) купить самый свежий «Опольский» кефир. Чтобы на бутылочке было написано — произведено сегодня. Купить на рынке у Ивановского дядьки свежеснесенных яиц. И на велике — до дома. Оладьи печь. А когда печь будешь, то припек не из старого варенья делать, а из яблоч самых душистых, только вчера сваренных. А на сковородку полить оливкового масла, причем, обязательно марки «Экстра Вижн». Вот и все. Надя один раз такую речь сказала, и на нее с баальшим подозрением посмотрели. Дескать, не поехала ли у тебя крыша, дорогуша. Да... У нас ведь как? Народ привык в оладьи всякую дрянь совать. И «Экстра вижн» никак не одобрит. Где же она? Впрочем, пусть себе походит, поболтает. Развлечется. А я тут посижу в сладком одиночестве. Полюбуюсь на облака, которые сегодня необычайно воздушны. И только я обратил взор свой в небеса, как вдруг за домом — шум, стук! И Толик своим максимальным голосом зовет: «На-дя! На-дя!» И палкой что есть силы по забору колотит. Вот тебе и посидел в одиночестве! Что ж! Надо идти калитку открывать. Гость пришел.

А гостя зовут Анатолий. Или Толик, как он сам просит его называть. Расскажу о нем несколько слов. Внешности Толик необычайно живописной. Высокий, сутулый, остроносый. Волосы вздыблены, как будто собрались в свой отдельный автономный полет. Возрастом далеко за семьдесят. Одет так, как и не придумаешь. В теплый летний день на нем куртка типа «алюски». Только на современный манер. С крючками. Теплые синие штаны и глубокие калоши, одетые на высоченные шерстяные носки. Анатолий страдает неизвестной мне болезнью и ведет с ней героическую

борьбу. Я открываю калитку, беру за локоть, помогаю войти. Он ступает на мягкий газон, на который любит смотреть, но по которому не любит ходить. «Слишком мягко, — говорит он, — ног не чую». Я поддерживаю его за локоть, и мы подходим к месту наших посиделок — к красному столу. Теперь важная процедура. Надо сесть на стул. Я подкладываю на сиденье мягкую подстилку и сзади с силой держу стул. «Ну-ка, Сань, поправь поточнее, чтоб под ж... было». Он плохо чувствует ноги и боится промахнуться мимо стула. Чуть сжимает колени, медлит и, наконец, всем немалым весом падает на стул. Я держу крепко, чтобы стул не перевернулся. Анатолий кладет свой костыль на красный стол и удовлетворенно улыбается. «Ты на меня внимания не обращай. Занимайся своими делами. Я тут на минутку. Посажу, да и пойду». — «Сидите, сидите, Анатолий, вы мне не мешаете».

Я иду в дом, чтобы принести гостю угощение. Надины любимые оладьи. Отдельно — блюдец с брусникой. Для себя беру ноутбук. «Может и поработаю, — думаю я уныло, понимая, что минутка может растянуться на час.

Оладьи он ест с удовольствием, но без жадности, как иногда едят старики. Оладьи мягкие, как раз для его беззубого рта. Видно, что он понимает толк в хорошей еде и, про себя, отдает должное Надиному кулинарному искусству. Я что-то стучу на ноутбуке. Каждый занят своим делом. Пока есть возможность, скажу два слова о месте, где мы находимся. А то читатель и не представляет, какая здесь красота! Ему (читателю) приходится довольствоваться исключительно моими рассуждениями и ображениями. Итак, мы с Анатолием сидим на красных стульях за красным столом под ветвистой яблоней, с множеством вполне созревших желто-красных яблок, из которых собственно и получается этот солнечного аромата припек. Стол стоит на отличном ухоженном газоне, который занимает почти весь прямоугольной формы небольшой участок. Никто не верит, что наш участок такой маленький — всего четыре сотки. Поскольку на участке, кроме четырех яблонь, ничего нет, он кажется свободным и просторным. Оптическая иллюзия, как сказал бы ученый человек. По краям газона растут дикий виноград, хвойники, три куста крыжовника и множество цветов: хосты, астры, пионы, маленькие георгины, анютины глазки и пр. Цветы — исключительно Надина вотчина, а я даже названия их правильно перечислить не могу. Главная работа в саду — выдирать, вырезать, выкапывать лишнее, чтобы оставить главное — пространство, воздух. Да, воздух, подумал я... Какой же здесь воздух!

«Славный денек», — улыбнулся Анатолий, заметив, что я уже не стучу на компе, а предаюсь мечтаниям. Он доел оладьи и с удовольствием грелся на солнышке.

«Ты заметил», — взглядом он показал на место у забора, где еще вчера рос колючий крыжовник. Ягоды его были сладкие, и мы их с удовольствием поклевывали, но кусты никак не вписывались в общую дизайнерскую концепцию. Их надо было выкорчевать, и я собирался выкопать кусты именно сегодня. Но к утру, как по мановению волшебной палочки, кусты испарились, и вместо них чернела аккуратно выравненная граблями земля.

«Николаю говорю: классный крыжовник! Забирай, пока не взяли. И Сергею сказал. Иди копай быстрее. И вот! — он победоносно воздел руки. — Смотри! А то Надя говорит: Санька выкопает. А тебе зачем копать? Поэт должен отдыхать», — добавил он убежденно.

«Как вы, Анатолий, здорово все устроили!» — благодарно сказал я.

Он довольно улыбнулся. Долгое время ходил он к нам в гости, доставляя, как он правильно полагал, некоторое стеснение хозяевам. Поэтому ему очень хотелось сделать какое-нибудь доброе дело. Чтобы и от него прок был. Он приносил огурцы с собственного участка, которые мы не сажали, приносил яблоки, которых у нас было навалом, но не таких, как у него. Давал садоводческие советы, которым, к его огорчению, мы не следовали. Но он в своем стремлении к добрым делам не падал духом и, наконец, совершил по всем самым строгим меркам настоящий важный поступок. Он освободил нас от ненужного крыжовника. Он был горд. Наконец-то он оказался полезным!

Надо сказать, что еще до истории с крыжовником легкое раздражение, которое он вызывал в нас своими визитами, стало улетучиваться. Мы к нему привыкли, а Надя даже очень жалела его и говорила, что он напоминает ей ее папу. Несмотря на тяжелую болезнь, он не выглядел ни мрачным, ни жалким. Он как-то незаметно, но постоянно ей (болезни) сопротивлялся. Ходить без помощи ему было нелегко, но он каждый день упорно накручивал круги, в которые входили и наша, и его улицы. Иногда я провожал Толика до самого его дома и вел под руку. Он опирался, потом вдруг спохватывался, брал костыль в руки горизонтально земле, отклеивался от меня и быстрым шагом шел метров двадцать.

«Не дури, Толик!» — подбадривал он себя на ходу. Понемногу я догонял его, и далее мы шли вместе. «Сань, почитай «Токаря», — просил он. «Токарь» — это такое стихотворение, которое нравится ему больше всего. Он, когда узнал, что я пишу стихи, попросил почитать. Я и почитал. Он слушал внимательно и похваливал. Но похваливал, как я понимаю, из вежливости. На самом деле, ему понравилось только одно стихотворение. Про токаря. В нем есть такие строки:

Он лыс и сутул, и тщедушен.
Он весь поместился в зор
Меж теми, кто равнодушен,
И теми, кто что-нибудь спер.
В обед в шахматешки играет.
Поддержит и общий базар.
А бабам чужим починает
Без денег худой самовар.

Он слушает и всхлипывает. Он всегда всхлипывает в этом месте. Особенно его трогают словечко «спер» и то, что токарь бабам без денег починает самовар. Три дня назад (а он приходит, если не непогода, каждый день) я по его просьбе переписал это стихотворение на тетрадный листочек. И все три дня он носит заветную бумагу с собой, в куртке. И перечитывает. Ко всем другим стихотворениям он вежливо равнодушен. Они не задевают его. Впрочем, нет... Есть еще одна стихотворная любовь. Строфа в стихотворении «Внуки». Само стихотворение он слушает с вялым одобрением, а на этой строфе неожиданно начинает рыдать. И строфа-то как строфа, ничего особенного. Проходная. А он прямо-таки трясется. Ну, вот сами послушайте, над чем тут трястись:

Гудит старательно пчела.
Вся белая от цвета ветка.
Качая ведрами, прошла
И поздоровалась соседка.

А он трясется. Вот пойми его!

Завтра мне уезжать. А и то — пора. Лето заканчивается. Надо впрягаться в работу. Анатолий знает, что я уезжаю, и грустит. Одному ему тут будет скучно. Но виду не показывает. Я помогаю ему встать со стула, беру под локоток, и мы вдвоем выходим на нашу улочку. Он трогает меня за плечо, прижимается щекой. Затем говорит: «Мне этого стихотворения до конца жизни хватит». Говорит без сентиментальности, просто, как бы про себя. И идет вперед один, жестом показывая, что провожать его не надо. Я гляжу на удаляющуюся сутулую спину и думаю: «Значит, и мне одного этого написанного стихотворения хватит. Все, что нужно — я уже написал». Он, не оборачиваясь, машет мне рукой. Иди, дескать, иди. Уходи. А из кармана его куртки торчит уголок тетрадного листа.

Вот я и рассказал о моих друзьях. И совсем не так, как собирался, чтобы подтвердить мысль Уайлдера. А написал так, как получилось, как написалось. И оказалось, что друзей у меня много. Друзей разных. Тут и Тимофей, и Никитка, и Вова, и Даша, и Надя, и два Анатолия, и две Любы, и Оксана... Не о всех мне удалось написать. Пусть они меня простят за это. Мои друзья. Пусть простят.

